

В.И. Яковенко

Адам Смит

Его жизнь и научная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В.И. Яковенко
В11 Адам Смит: Его жизнь и научная деятельность / В.И. Яковенко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-2472-3

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839 1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы профессия.

ISBN 978-5-4241-2472-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.И. Яковенко, 2021

Валентин Яковенко
Адам Смит. Его жизнь и
научная деятельность

*Биографический очерк В. И. Яковенко
С портретом Адама Смита, гравированным в Лейпциге Геданом*

ГЛАВА I. НАКАНУНЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Необходимость некоторого предварительного знакомства с экономической жизнью эпохи. – Натуральный характер хозяйства в средние века. – Усиливающийся рост городов. Влияние крестовых походов. – Влияние открытия Америки и морского пути в Индию вокруг Африки. – Разрушение старого экономического строя в Англии. – Изменения в населении, сельском хозяйстве, промышленности. – Машины. – Торговля. – Промышленная и торговая опека правительства. – Умственное движение XVIII века. – Меркантильная теория. – Зарождение новых воззрений: Нетти, Дёдлей, Норт, Локк, Юм. – Школа физиократов во Франции: Кенэ, Тюрго

Адам Смит приобрел мировую известность своими *“Исследованиями о природе и причинах богатства народов”*. Многие считают его творцом политической экономии. Политическая же экономия, исследующая законы производства, распределения и потребления материального богатства, состоит в самой тесной связи не только с общим состоянием знания и умственным развитием человечества, но и с экономической жизнью или экономическими отношениями известного момента. Более чем к какой-либо другой науке к ней приложимо утверждение, что та или другая теория есть дело не столько усилий единичного творческого ума, сколько известных внешних явлений в жизни общества. Тут *deus ex machina*, хотя бы *machina* представляла лабораторию гениальнейшей головы, не появляется. Поэтому, чтобы понять и оценить любую экономическую теорию, необходимо изучить экономическую жизнь соответствующего времени. Тем более необходимо такое изучение для оценки великого произведения шотландского философа. Оно оказало громадное влияние на ход экономической и вообще общественной жизни только потому, что само было настоящим, подлинным продуктом и выражением радикально изменившихся условий производства и обмена. Революция, совершившаяся без всяких деклараций и провозглашений о самой себе в экономических условиях общественной жизни, нашла своего истолкователя в лице человека, совершенно чуждого какой бы то ни было *деятельной* жизни, всецело погруженного в свои *отвлеченные* занятия. Познакомимся предварительно, хотя бы самым беглым образом, с этими экономическими изменениями в ходе общественной жизни, а затем перейдем к Адаму Смиту и его великим экономическим открытиям, которые, по словам Бокля, “в продолжение двух поколений уже произвели полное изменение в торговом законодательстве нашей страны (Англии), а теперь хотя медленно, но верно действуют на другие европейские государства, где общественное мнение не так могущественно и где потому трудно установить великие истины и искоренить старые заблуждения”.

Экономические отношения и деятельность в средние века отличались, по сравнению с современными, чрезвычайной простотой и несложностью. Христианская церковь, представлявшая в ту пору господствующую общественную силу, не могла, по самой сущности своего учения, особенно поощрять развитие материальных интересов. Она преследовала более возвышенные цели. Правда, она возводила в религиозный догмат необходимость труда, но при этом доводила до

минимума материальные потребности человека и видела идеал в аскетизме. Поощряя трудолюбие, она ограничивала сферу промышленной деятельности производством лишь самых необходимых предметов потребления. То, к чему человек должен относиться как к наказанию, не должно служить источником наслаждения. Поэтому, признавая земледелие и ремесло законными способами приобретения пищи и одежды, она удерживала их на известном низком уровне, пропагандируя скудость в пище, простоту в одежде и так далее. Что же касается торговли, то она не пользовалась расположением церкви,

а процент, этот могущественнейший в последующие времена стимул к сбережению и накоплению богатства, находился под прямым запретом канонических законов. Таким образом, хозяйство в средние века носило *натуральный* характер. Каждая хозяйственная единица собственными силами производила все необходимые предметы потребления и потребляла их, и если и выносила на рынок, то в самом незначительном количестве. Разделение труда проводилось в очень слабой степени, и потому труд не отличался ни той производительностью, ни таким совершенством, как в последующие времена. Торговля существовала в виде простой мены и купли-продажи на наличные деньги, и то в ограниченных размерах. Это натуральное хозяйство держалось на крепостном труде, что также связывало дальнейшее развитие экономической деятельности в сторону капитализма и свободной торговли.

Города с их свободными общинами вначале представляли единственные центры, в которых исподволь вырабатывались основания нового порядка. Такое значение имели, например, знаменитый Ганзейский союз на севере и итальянские республики на юге. Внутреннему росту городов много содействовала продолжительная борьба королей с независимыми гордыми феодалами, а впоследствии и с церковью, когда короли за поддержку, оказанную им, наделяли богатые города разными привилегиями. Крестовые походы оказали также громадное влияние как на развитие городов, так и вообще на дальнейший ход жизни европейских государств: торговые сношения с этого времени чрезвычайно расширяются и оживляются; они становятся источником богатства многих городов; образуются значительные движимые капиталы; выделяется и быстро становится силой буржуазия; в производство также вводится много новых приемов и усовершенствований, позаимствованных на Востоке; наконец и положение крепостного населения, которому открывался путь (хотя бы и для отдаленных лиц) к полному освобождению, значительно улучшается.

Открытие Америки и морского пути в Индию вокруг Африки было событием первостепенной важности в экономической истории Европы; оно, как говорит г-н Чупров, “является основным агентом, переделавшим весь экономический строй”. Натуральное хозяйство должно было рушиться. На первых порах преобладающее значение получает торговля: европейские страны находят обширные рынки для сбыта своих произведений, а взамен получают массу драгоценных металлов. Не так бросается в глаза революция, совершающаяся в самом производстве; но, тем не менее, социальная почва постепенно подготавливается, и великие механические изобретения Аркрайта, Уатта и других находят все необходимые условия для своего осуществления, и бескровная (хоть, увы, не безжертвенная) революция совершается. Вместе с тем, в сфере распределения растет роковая неравномерность, растет и угрожает новыми страшными потре-

сениями современному цивилизованному человечеству, если оно не найдет надлежащего выхода, что и составляет задачу нашего времени. Адам Смит написал свою книгу накануне промышленной революции и написал ее в Англии, то есть в стране, которая может служить прообразом промышленного развития всех остальных европейских стран. Поэтому нам необходимо подробнее ознакомиться с ходом разрушения старого экономического строя в Англии.

За первую половину XVIII столетия население Англии увеличилось на 17–18 %, а за вторую – более чем на 52 %, разница для двух непосредственно следующих один за другим периодов чрезвычайно значительна. Для первого периода характерное обстоятельство представляет быстрое развитие торговли, а для второго – изменения в сельскохозяйственной и промышленной системах производства. В распределении этого населения также происходят значительные изменения. Население увеличивается преимущественно в промышленных графствах и городах. В 1696 году число городских жителей, по приблизительному подсчету, составляло четвертую часть всего населения. Артур Юнг, писавший в 60-х годах восемнадцатого столетия, говорит, что в это время население одного Лондона составляло уже шестую часть всего населения и что “половина народа жила вообще в городах”. В наше же время, как известно, городское население в Англии составляет уже более чем $\frac{2}{3}$ всего вообще населения.

Такое громадное передвижение населения из деревень в города, от земледельческих занятий к промышленным, свидетельствовало о коренных изменениях, происходивших в сельском хозяйстве и промышленности.

Действительно, мелкие крестьяне-собственники, владевшие пастбищами, лугами, лесами на общинном праве, йомены, доставившие некогда победу Кромвелю и к концу XVII столетия еще превосходившие фермеров по численности, к концу XVIII века исчезают почти совершенно. Происходит концентрация поземельной собственности в руках лендлордов; образуются крупные фермы и окончательно устанавливается типичное батрачное хозяйство. “Не знакомый с английской историей, – говорит Тойнби, – может подумать, что страна подверглась в это время опустошительному нашествию врагов или перенесла тяжелые и в высшей степени многозначительные внутренние потрясения. Вначале под влиянием усилившегося спроса на шерсть крупные землевладельцы захватывали (огораживали) только общинные пастбища; но позже они стали огораживать и пахотные земли. Мелкий собственник, лишившись пастбища и леса, не мог вести дальше хозяйства, продавал свой участок и уходил в город или превращался в батрака. На его месте появляются крупные арендаторы, капиталисты. Таким образом, к чудовищным захватам присоединилась еще добровольная продажа. Сама система хозяйства радикально изменяется. Пашня запускается под пастбище, а в тех случаях, когда она обрабатывается, арендатор вкладывает в дело капитал и заводит более совершенные системы. “На месте прежних мелких земледельцев, которые были одновременно и землевладельцами, и капиталистами, и рабочими, появились, говорит Чупров, три раздельных класса: крупный землевладелец – лендлорд, который довольствовался получением ренты, но сам не вел сельского хозяйства как промысла, а занимался им только для удовольствия; крупный фермер – капиталист, который собственно являлся предпринимателем и главным деятелем в земледельческом хозяйстве; и, наконец, наемный рабочий, прилагавший свою силу по указанию и под надзором фермера. Этот новый

оригинальный строй земледельческого хозяйства неуклонно преподносился авторам первых научных систем политической экономии и наложил неизгладимую печать на их построения”. К сожалению, этот новый экономический строй “преподносился” даже наиболее гениальными из первых политэкономов не с надлежащей полнотой: они не замечали, что развалины жилищ, амбаров, хлевов, по свидетельству одного современника, представляли единственные следы прежних обитателей...

В средние века *промышленность* имела ремесленный характер. Изделия приготавливались преимущественно по заказу или на ближайший рынок; орудия труда отличались простотой; в самом производстве предприниматель и рабочий не представляли резко обособившихся сторон; все отношения и вся деятельность ремесленников точно определялись цеховыми уставами. С наступлением новых времен цеховое ремесло уступает место мануфактуре, которая и господствует в производстве до великих механических изобретений, то есть до конца XVIII века. Мануфактура держится на детальном разделении труда и на одновременной работе большого числа ремесленников в одном помещении, под началом, так сказать, одного и того же капитала. Мануфактура представляет все элементы фабричного капиталистического производства: разъединение производителя и предпринимателя, производство для рынка, противоположность труда и капитала и так далее; ей недостает только машины, придающей всем элементам грандиозные размеры и делающей излишним последний остаток ремесленного устройства, то есть знание известной специальности, ручное искусство, ловкость. Однако такая типичная мануфактура не сразу становится на место ремесла. Независимый ремесленник, самостоятельно закупавший сырье для своих изделий и самостоятельно же продававший последние на рынке, подпадает сначала под власть скупщика, который является посредником в его операциях по купле-продаже. С течением времени этот скупщик становится участником в самом производстве: он раздает сырье ремесленникам (кустарям) на дом, и последние, хотя владеют еще орудиями производства, работают, однако, уже на предпринимателя. Возникает домашняя система крупного производства, в дальнейшем своем развитии превращающаяся в мануфактуру. Причинами такого превращения служат, кроме самого характера производства, в иных случаях еще и выгода, и удобства наблюдения над работой, и экономия времени, и т. п. Для мануфактуры необходим уже рабочий, свободный от средств производства. Обезземеление крестьянства, происходившее разными путями, дает совершенно достаточный контингент таких свободных рабочих. Полное разрешение цеховой организации развязывало руки и в правовом – или, вернее, бесправном – отношении: обе стороны, предприниматели и рабочие, ничем не сдерживались уже в своих добровольных сделках. Государство не скоро еще пришло на помощь слабой стороне. Таким образом, почва была хорошо взрыхлена и посевы *капитализма* должны были дать хороший урожай. Однако до появления машин все находится еще в зачаточном состоянии. Во времена Смита в Англии наиболее распространены были производства по обработке шерсти и железа. Наряду с большими мануфактурами практиковалась в громадных размерах раздача сырья на дом. На глазах Смита совершался тот же процесс превращения самостоятельного кустика в простого рабочего, какой на наших глазах происходил и происходит еще в России. Не напоминает ли следующее описание Дефо картинок из нашей, если

не текущей, то вчерашней, промышленной жизни? “Земля около Галифакса была разделена, – говорит он, – на мелкие участки от двух до шести и семи акров каждый; на этих участках построены дома на таком расстоянии один от другого, что можно было переговариваться; в каждом доме можно было видеть раму с куском сукна или какой-либо шерстяной материи, а при более зажиточных домах были фабрики (наши светелки). Каждый суконщик держал по крайней мере одну лошадь для того, чтобы возить свои изделия на рынок, а также корову, две и больше, для потребностей семьи. Кустари кормились от ремесла, так как земельные участки были слишком ничтожны и зерна едва ли хватало на прокорм домашней птицы. Избы обыкновенно были переполнены здоровым рабочим людом, и всякий находил себе занятие, от самого старого до самого молодого: кто при красильном чане, кто при станке, кто занимался лощением сукна. Дети и женщины расчесывали шерсть и пряли. Там нельзя было встретить ни нищего, ни праздношатающегося...” Но такая кустарная идиллия продолжается недолго. Артур Юнг, путешествовавший по Англии несколько позже, говорит о целых деревнях, о целых округах, где кустари в своих избах работали уже на мануфактуристов, а еще несколько десятков лет спустя, с появлением машин, они принуждены были заколотить свои избы и отправиться на фабрику. Машина не только тогда, но и до сих пор еще не нашла дороги в “светелку”; выдерживать же борьбу с фабрикой “светелка”, само собою разумеется, не в состоянии. Поэтому она неизбежно погибала и погибает.

Такова была промышленная атмосфера, окружавшая Смита. Он не знал еще паровой машины (кроме машины Ньюкомена) и не мог предвидеть тех чудес, которые породила она в XIX столетии. Из механических приспособлений его времени следует отметить лишь самопрялку, самолетный челнок, валяльную мельницу и еще некоторые незначительные усовершенствования в ткацком деле. Но почти одновременно с опубликованием его книги появляется целый ряд изобретений и усовершенствований: Харгривс изобретает прядильную машину; Аркрайт утилизирует изобретения Уайта для прядения посредством навоя и приспособливает для их движения силу воды; Уатт изобретает паровую машину высокого давления; Роббс плавит железо на угле; Бринлей соединяет промышленные и торговые центры посредством каналов; несколько позже появляются прядильная машина Кромтона и ткацкий станок Картрайта. Эти изобретения произвели техническую революцию в производстве, для которой экономические условия были уже вполне подготовлены в Англии.

В области *торговли* Англия в XVIII веке занимала одно из первенствующих положений среди европейских государств. Благодаря открытию Нового Света и наплыву драгоценных металлов от примитивного средневекового обмена не осталось и следа. Торговля не только развивалась, но становилась чуть ли не главной общественной силой. Векселя, банки, акционерные компании и так далее – все это появилось к ее услугам. Мало того, для стран, которые не владели рудниками, она представляла единственное средство разжиться звонкой монетой, “презренным” металлом. Но он стал презренным только в глазах нашей современной буржуазии, пресытившейся им и познавшей тщету его, а в то золотое время пробуждения к новой промышленной жизни на этот металл смотрели как на богатство народное и всякими мерами поощряли ввоз его. Таким образом, торговля сама по себе в глазах правителей получает значение вернейшего сред-

ства для обогащения нации.

С разрушением цеховой организации и развитием торговых сношений, как внутренних, так в особенности внешних, правительство берет на себя руководство промышленной и торговой деятельностью народа; производители обязывались изготовлять свои изделия по предписанному правительством образцам (в противном случае они подвергались разным взысканиям); заработная плата регулировалась предписаниями закона; чтобы обеспечить дешевый труд, устанавливались низкие таксы на предметы первой необходимости. Мало того, правительство вмешивалось даже в потребление. Елизавета в заботе об отечественной рыбопромышленности установила “политический пост”, запретив употребление мяса в течение двух дней в неделю. Позже (в 1666 году) предписано было хоронить мертвых обязательно в шерстяном платье. Все это делалось, понятно, для поощрения народного труда... для поощрения тех отраслей промышленности, из которых извлекались наибольшие доходы. Внешняя торговля с отдаленными странами находилась в руках нескольких компаний, пользовавшихся громадными привилегиями и представлявших чуть ли не государства в государстве. Большое значение для развития внешней торговли Англии имел “навигационный акт” Кромвеля. По этому акту вести торговые сношения с колониями Великобритании дозволялось только на таких судах, владельцы которых, капитаны и три четверти экипажа были великобританские подданные; затем, чтобы уничтожить посредничество других стран, дозволялось ввозить громоздкие товары на означенных судах только из тех стран, где эти товары производились. “Навигационный акт” передавал всю торговлю с обширнейшими колониями Англии исключительно в руки английских купцов и породил, можно сказать, морское могущество Великобритании. Дальнейшая торговая политика Англии до провозглашения независимости Северо-Американских Соединенных Штатов, что случилось несколько лет спустя после опубликования “Исследований о богатстве народов”, следовала тому же пути. Богатейшие в мире колонии должны были производить одно только сырье, которое поступало на фабрики деятельности в мире метрополии или по ее усмотрению распределялось по всемирным рынкам. Взамен этого колонии получали из метрополии мануфактурные изделия, причем не только был безусловно запрещен ввоз в колонии иностранных изделий, но и подавлена всякая местная мануфактурная деятельность. Если бы, замечает по этому поводу Роджерс, можно было блокировать все американские порты во время войны за независимость, то инсургенты скоро были бы безоружны, так как они не сумели бы приготовить себе оружие. Чтобы удержать в своих руках обрабатывающую промышленность, Англия должна была не только подавлять проявление промышленного духа в колониях, но и поощрять его развитие у себя. Действительно, она старалась привлечь искусных мастеров, запрещала им выселяться, поддерживала у себя производство ввозными пошлинами, запрещала вывоз усовершенствованных орудий, улучшала сообщения и т. д. Однако эта запретительная система, которой так упорно придерживалась Англия, и эти механические изобретения, которые были сделаны ее практическим гением и которые она ревниво оберегала, неизбежно влекли ее на совершенно другой путь промышленной и торговой деятельности. Такой же запретительной политике следовали и другие государства, и Англия в конце концов почувствовала, что запретительная система мешает расширению ее торговли, что ее промышлен-

ность не боится уже никакой конкуренции, что, одним словом, настало время, когда ей выгодно сбросить путы с торговли и промышленности и вступить на путь свободной экономической деятельности.

Мы говорили до сих пор об экономических явлениях, но не следует упускать из виду и того широкого и могучего умственного движения, которым ознаменовалось XVIII столетие, в особенности его вторая половина. Знаменитый труд Адама Смита непосредственно примыкает к этому движению и составляет его нераздельную часть. Пробил час не только одной экономической опеки. Во всех сферах человеческой деятельности чувствовалось обновление. По крайней мере, мысль человеческая простиралась далеко и пыталась переделать заново весь социальный механизм. Характерных проявлений этого движения следует искать во Франции того времени; но они имели общемировое значение. Имена Вольтера, Руссо, энциклопедистов принадлежат не одной Франции. Вольтер разрушил нестерпимую опеку католической церкви. Руссо перенес вопрос об опеке на политическую и социальную почву и апеллировал к естественному праву человека.

Энциклопедисты в своей знаменитой “Энциклопедии” пытались дать ответы на все вопросы с точки зрения новых воззрений. Как бы велико ни было различие между отдельными мыслителями, но всех их воодушевляло одно общее стремление, одна общая мысль: освободить личность от разных пут средневекового мировоззрения и средневекового склада жизни. Начало *индивидуализма* в различных его проявлениях – вот краеугольный камень всех построений блестящего ряда мыслителей XVIII века. Англия, как нация по преимуществу практическая, выдвинула мыслителя-индивидуалиста в сфере вопросов преимущественно практических, деловых. “Свобода, свободная индивидуальная деятельность есть для Смита, – пишет один экономист, – всеоплодотворяющий и одухотворяющий элемент; это есть воздух, которым дышит хозяйство, свет, который освещает богатство, дыхание жизни, которое все проникает и призывает к живой деятельности, базис для общего развития и усовершенствования, рычаг всякого успеха и, наконец, истинная волшебная формула, с помощью которой все дурное изгоняется, а все доброе, великое и прочное вызывается”. Только мыслитель второй половины XVIII века мог воодушевиться в такой мере принципом “свободной индивидуальной деятельности” и, опираясь на нее, перевернуть в сфере мысли, точно Архимед, нашедший точку опоры для своего рычага, ходячие понятия относительно экономической деятельности и очистить путь для новых течений в общественной жизни. “Исследования о богатстве народов” есть только одна из глав великой книги, написанной выдающимися мыслителями второй половины XVIII века, и одно из дел – так как она, эта книга, была вместе с тем и настоящим делом, – совершенных людьми того же поколения.

Теперь мы познакомимся с разработкой политико-экономических вопросов до появления знаменитых “Исследований”: с одной стороны, с зародышами тех мыслей, которые были изложены и развиты впоследствии в этих “Исследованиях”, а с другой – с противоположным, господствовавшим в ту пору учением, известным под термином *меркантилизм*.

Меркантильная теория отождествляла понятие о богатстве с понятием о деньгах. Страна тем богаче, по этой теории, чем большим количеством золота и серебра она располагает. Двойственный характер денег как предмета торговли и